

Королевство Милис. По неоткрытым источникам, является одним из самых ксенофобных королевств в мире. Впрочем, любой, кто хоть раз посетит их столицу, Миллисион, не сумеет остаться равнодушным. Огромные храмы да их усадьбы, усеяли больше десяти процентов земли города. Корректнее было бы назвать Миллисион — город-храмом. Святая святых, альманах таких магических искусств как исцеление и барьеры. Божественная магия от злой нечисти и духов, так же преподается здесь.

Демоны здесь не приветствовались, считаясь грязными отродьями. Впрочем, коль ты похож на человека, то путь тебе сюда откроют без проблем.

У стражей порядка, всегда много забот, особенно у стражей столицы. Сквозь главную арку врат то и дело проходят нелюди и остальной сброд. У стража Гриши, сегодня был тот же день, что и вчера. Он так же, как и позавчера, собирался сдать наряд, отстоять в душных доспехах у врат, пропустить несколько зевак в город и пойти выпить с товарищами, по несчастью. А потом мирно доковылять к своей кровати, где его, такого всего разгоряченного бутылочкой покрепче, в свои объятия примет жена.

Гриша, помассировал себе шею, припоминая, как его фантазии расходятся с реалиями.

Бросив взгляд вдаль, ему было заметно, как в их направлении двигалась повозка, что удивительно, этот день был достаточно безлюдным. Мало кто въезжал.

Оценив, приблизительное расстояние и скорость экипажа, страж уныло зевнул, и снова потянул шею, наклоняя голову туда-сюда, обратился к своему званому брату.

— Ну а сегодня будешь? — Гриша говорил на том самом сленге, который из поколения в поколения, передавался загадочными, вернее, забутыльными друзьями.

— Не, — второй страж взмахнул латной перчаткой, — У меня жена.

— Так и что? Раньше же не останавливало, — резонно подметив мелкую, как мыш, мысль. Брат по бутылке, невесело хмыкнул, что-то пробурча себе под нос. — Что говоришь?

— Сам скоро узнаешь, — Гриша оторвал взгляд от друга, считая, что тот сегодня не в настроении.

Испытывая слабый дискомфорт в шее, Гришу все больше мучали слова собрата. Ему показалось, что те были такими обречёнными и слабыми, словно случилось что-то ну очень страшное. Страж сопоставил ещё с утра ноющую шею, со словами друга и тихо ахнул, полностью забыв о субординации.

— Тебя ж тоже шея болела! — как детектив, которому удалось установить личность убийцы-садовника, Гриша ткнул пальцем в друга.

— Ага. Это только первая стадия.

— В смысле?! Какая ещё стадия?! — Гриша не на шутку разволновался, считая депрессивное состояние названного брата следствием какой-то болезни.

— Все дело в Латреях, — с тяжёлым вздохом оповестил Гришу друг.

— А что с ними? Это же благородный дом, они чуму насылают что-ли?!

— Что вообще у тебя в голове творится? Нет конечно, а... впрочем, — стражник крепко задумался, беззаботно покачал головой из стороны в сторону, будто решал, с какой стороны подойти к бутерброду. — Если бы только они насылали чуму, я бы ещё это принял, а так... Но, это с какой стороны посмотреть.

— Не тяни, говори, как есть, — у Гриши всегда были нервы к чёрту, потому и пил, чтобы спалось легче. Да с женой иногда ругались, но страж твёрдо считал это нормой общества. «А кто не ругается?» Задавался он вопросом.

— В общем, закодировать тебя хотят.

— Зако... что? Ты о чём?

— Моя ещё месяц назад начала эту муть варить. Подсмотрела у соседки, которая и поделиться рецептом настойки была не прочь. Но... Ты бы только понимал! Поймешь ещё! После неё, все, что горит в рот не лезет! Только эффект от этой бурды не моментальный. Сначала ноет шея, потом слабые боли в голове, и только где-то через одну луну, никакого пива, никакого вина и близко ко рту не подпустишь.

Гриша слушал с открытым ртом того гляди и отпала бы челюсть, не успей он её прикрыть. Недоверчиво переводя глаза с потрепанных перчаток друга, которым тот для наглядности активно двигал, на белый, почти мраморный пол. Гриша ужаснулся, как ужасаются резких звуков.

— Нет, да не может такого быть, — но усмотрев в своем друге только правду, и ничего кроме правды, Гриша побелел хуже мела. — Или может?!

— Может, ой как может. Половина роты уже какой день хмурыми ходят, а владелец паба успел жалобу подать к самому папе, — при последних словах палец в перчатке указал вверх, куда устремились две пары глаз. Недолго, с полсекунды реального времени, после чего, вернул глаза к доспехам друга.

— Так... а-а чего все молчат?! Это же безумие! Я сегодня своей все выскажу!

— Хах, ну удачи, я пытался, и ты попытайся. Может в следующую ночь, в отличие от меня, тебя не будут поить той бурдой.

— Ночь?!

— Ага. Хочешь ты, или не хочешь, ночью она все равно тихонько заставит тебя по капле выпить все. А узнаешь уже постфактум. Твоя, я тебе скажу, ещё долго собиралась с мыслями, того гляди и сумеешь её переубедить. Но что тебе, одному пьющему в рядах трезвой армии? Смотри не попадись с бутылкой потом начальнику. Его тоже, закодировали недавно.

— Бред какой-то, — схватившись за голову руками, Гриша замотал всем телом. — Мы же... мы же не так много и пили.

Философски пожав плечами, безмятежное лицо мужика словно огранялось золотым отливом, начав сверкать под прямыми лучами солнца.

«Тот, кому больше нет дела до жизни и смерти».

Осознав с чем, он столкнулся, Гриша, как перед глазами, увидел близкое будущее. Все мужики

на страже хмурые, невыспанные, небритые, немытые и ещё три раза «не-». Все как один смотрят не на ближних, а куда-то в пустующую даль мира. У всех на шеях кандалы, а цепи тянутся куда-то ввысь.

Очнувшись от собственного беспокойства, отважный муж чётко решил:

— Я развожусь!

— Отличное решение... куда пойдешь? Я слышал в великом лесу у девушек скоро течка, думаешь испытать удачу в борьбе за сердце?

— С чего бы мне покидать город? Здесь отлично платят.

— А ты как думаешь? Найдешь здесь девку, которая такую бурду ещё не умеет варить? А если и найдешь, то вот её мать...

Как печаткой припечатал страж, отчего Гриша приуныл.

— Но... как же так?

— Теперь ты понимаешь мои чувства.

Как после исполненного долга, друг Гриши, поднялся с насиженного места и козырнул подъезжающей карете. И окрикнул Гришу, дабы тот не забивал глупостями свою беспокойную черепашку.

А тот и забивал. Вместо выполнения работы, все мысли обычного стража вертелись вокруг неизвестного зелья, после которого он не сможет наслаждаться привычными блаженствами.

«И вправду, лучше бы чума в городе бушевала... разве от привычки пить пиво лечат?» Ещё никогда ранее, размеренная жизнь, так стремительно не пыталась сменить ветер. Перемены гремели в большие колокола, которые не раз слышал Гриша.

Что же до повозки...

На месте кучера, держа в руках поводья, сидел светловолосый полуэльф. Крепко удерживая их в руках, он мило улыбался. И пускай почти рассосавшийся синяк сейчас не волновал Гришу, он был занят более важными думами, это все равно могло вызвать вопросы.

Ответом на эти вопросы, должен был заняться следующий попутчик. Недовольно зыряка на стражу, которая тихо обхаживала повозку, проверяя её на наличие запрещенных вещей, рядом с полуэльфом сидел самый натуральный мальчик. На глаз, страж дал малому не больше одиннадцати лет, учитывая, как подбочинился мелкий, он и вовсе, казался младше.

Фингал мелкого так же не волновал Гришу, разве что на затворках мыслей, подобного чёрствого человека, промелькнуло что-то сочувствующее к парню. Мысль по типу: «Не повезло парню с отцом, он не человеком оказался».

Страж на вольной волне обошёл повозку, после чего мельком взглянул на мрачную обстановку внутренностей кареты. Все окна заколочены, потому свету было трудно протиснуться внутрь. И даже так, две девушки, сперва напомнили ему старшую и младшую сестру, и лишь после лёгкого наваждения, он понял, что это была мать и дочь. Причем весьма недурно одеты. Встретившись глазами с дамами, Гриша автоматически кивнул, придерживая шлем на голове

рукой. Ему ответили тем же. Мать сразу же, а дочь, чуть более несмело, секундой позже.

Наконец, выйдя к званому брату, Гриша беспечно махнул рукой, выдавая из рта нечто среднее между зевком и словом: «Чисто».

Чужаков пустили дальше, по белоснежной тропе города, по которой раньше путешествовали не один и не два знаменитых авантюриста.

Что Нилрем, что Роулз, попав на территорию людей вздохнули глубже и легче. Но причины были разные. Роулз, потому что был ближе к своей дочери, а Нилрема потому что вернулся к людям.

Считая весь прошлый опыт, не более чем занятым стимулятором выживания в дикой природе. За рекордные четыре месяца, магу удалось проехать множество мест, побывать на территории зверолов, успеть до сезона дождей пробраться сквозь джунгли и лишь мельком глянуть на тех же хоббитов. Гномы, эльфы, хоббиты, все они являлись фэнтезийными расами, и в отличие от демонов, не вызвали большой неприязни у Нилрема. В особенности, парня манили длинноухие долгожители. Они часто живут в резервации на своей территории, отчего увидеть в мире их очень сложно. Чаще можно заметить полуэльфов, которым нет места в благородных домах чистых эльфов.

Привлекательные перспективы долгожителей, манили Нилрема исключительно с исследовательских целей. Юный маг помнил, и не забывал историю появления у людей магии. Человечество пыталось имитировать её у эльфов, которые в свою очередь возносили молитвы собственным духам, дабы те наделили их способностями.

Не только магия. Эльфы жили дольше людей, а покопаться в чужом геноме, как считал Нилрем, могло помочь ему с его маленькой проблемой, которая до сих пор не проявилась.

Город встречал экипаж необычной архитектурой белоснежных зданий, чем откровенно говоря, привлекали внимание новоявленных. Солнечные лучи игрались на золотистых куполах храмов, выделяя их среди прочей белизны. Роулз здесь уже не в первый раз, но даже ему было трудно оторваться от величавых храмов и их монументов. Душе хотелось петь в хоре за закрытыми дверями, как это сейчас делали священнослужители, ведя непонятный приезжим ритуал.

После въезда в город, первым заговорил Роулз.

— Кхм, сперва найдём гостиницу, что подешевле, где и отдохнём до трех дней. За это время, предлагаю вновь разделить и исполнить возложенные задачи, — экс-охотник говорил важно, вернее пытался имитировать важный тон, ожидая от сидевшего поблизости капризного мага хоть слово упрёка, или легкую колкость. Но прошло мгновение, затем секунда за секундой посыпалось время, а мальчик все молчал. Роулз одним глазом зыркнул на парня, только убеждаясь. Нилрем сейчас ничего не скажет. словно прикинувшись глухонемым, он писал что-то на каменных дощечках. Бумаги достать было неоткуда, а записывать свои мысли и догадки надо, вот молодой человек и извернулся. Магией вытачивая буквы на граните или камне. Класс рейнджера, коим себя считал Роулз, не позволял определить вид твёрдой породы. Не ощутив привычного словесного сопротивления, полуэльф стукнул по карете костяшками, говоря уже много громче.

— Карла, тебе что-нибудь надо? Ты говори, сама же знаешь...

Женщина внутри, для всей группы, была чем-то вроде матери, не раз и не два, на практике, доказав свою полезность. Приготовить еду на пятерых, учитывая, что Карла ещё и безвылазно

занималась собственным ребёнком, было невероятным подвигом. Роулз не раз сравнивал Карлу с собственной женой во время кормления, и от этих сравнений ему становилось неловко. Карла очень сильная женщина, а ещё умелая мать.

— Я как раз помышляла пройтись по местным лавочкам, осмотреться. Наш провиант не так далек от дна, как могло показаться.

Роулз не мог этого видеть, но за закрытой каретой, Карла нежно приложила ладонь к щеке, клоня голову к плечу, придавая своему виду ещё более озабоченный вид.

— Ясно. Тогда, как я и говорил, сперва отправимся в гостиницу.

Расфасовав ненужные в данный момент, вещи, а на деле же, уложив их в два мешка и сунув те под кровать, у группы «Н», что значило «Нервозность», случился тихий разговор, инициатором которого был Роулз.

Поскольку деньги заканчивались, а им надо было переправиться через следующий порт уже на родной континент, вопрос с деньгами являлся полуэльфу как из тумана. Его контуры становились тем чётче, чем легче становился монетный мешок. Золото бандитов, в общем и целом, сейчас служили буферной зоной, если случиться что-то непредвиденное.

В первый день, вопрос денег обошёл всю команду лишь вскользь, лизнул языком. Роулз посчитал разумным сначала узнать цены на переправу, узнать о возможностях подработки и прочее.

Три безымянные банды, и таких же неведомых бандитов, на охоту, много золота с собой не тащили, потому единственное, что доставляли мятежные банды — это пугающую славу для всей кареты. Нилрему было удивительно наблюдать, как известность, быстрее ветра, распространилась среди людей. Миллисион, подобная проблема не обошла, и даже тут, если бы стража не была так занята собственными мыслями, узнала бы приметы головорезов. Болезненного вида кобыла, гордый малец и полуэльф. Поскольку пристально к ним никто не присматривался, разглядеть лица и тем более узнать имена этих разумных, не представлялось возможным.

Все ограничилось простой формальностью.

После снятия гостиницы, на следующий день, Роулз ушёл в гильдию, Нилрем засел за дощечками, а Карла хотела отправиться на рынок. Сперва ею завладело желание позвать с собой мага-благодетеля, но увидев его сосредоточенный взгляд, женщина отменила эту мысль, взамен попросив Нилрема присмотреть за детьми.

Дверь захлопнулась быстрее, чем мальчик успел переварить слова, и высказать свое «фэ».

Карле не впервой оказаться в совершенно незнакомом месте. Ранее все усложнялось незнанием языка и детьми под руками, потому сейчас, крепко сжав кулаки и поправив корзину на сгибе локтя, женщина плывущей походкой направилась вниз по улице, глазами цепляя самые интересные её вещи.

Сперва это были витрины в которых покоились одежды, потом её внимание привлек один из храмов, в частности, то, как много детей туда забегало. На некоторое время, Карла даже приостановилась, наблюдая за шумом веселой детворы.

«И моя когда-нибудь», только зародившиеся мысли тут же ушли в закат, а юная мать нежно помотала головой. Она понимала, что с таким способом жизни, ни о какой школе ей и мечтать не следует.

Несбыточной мечтой для неё будет просто тихий домик, не обязательно большой, не обязательно с десятком куриц или парой коров, но хоть какое-то место для жизни ей все же хотелось получить. Маленький и уютный мирок только для Карлы и её ребёнка. Её дочери.

Приняв решение найти в ближайших закоулках не только рынок, но и имя для дочери, Карла уже широким шагом свернула влево.

Правильно обученные, цапать все что есть, карие глаза женщины брали по букве, по слову, по услышанной фразе прохожих, чтобы после, со спокойной душой выйти в рынок.

Удивительное место, рынок. Одни ломают цену, да так, что диву даёшься, а другие продают дешевле пера из задницы курицы. Поскольку нежные уши Карлы теперь понимали всю речь, она без проблем отыскала знакомые специи, овощи, фрукты да немного свежего мяса, и все по отличной цене. Одолженные деньги подходили к концу, а тратить их всех, матери не позволяла бережливость за будущее. Какой бы она была матерью, если не смотрит дальше одной недели?

На рынке, женщина оставила изрядную долю собственных нервов. Торговля на то и торговля, что мать боролась за каждый последний медяк, как за собственную кровиночку. Она успела до ночи, но закатное солнце уже касалось недостижимого горизонта. Поправив глубокую корзину на сгибе предплечья, аки божий одуванчик, миледи воспарила ввысь и направилась назад в гостиницу. По пути её встретил книжный магазин, и сделав пометку: «попросить Нилрема поучить Мари», которая совсем недавно очнулась от собственного наваждение. Карле было особо забавно видеть, как девочка единодушно называла своего ровесника, если не младше, ласково «папой». Смущения Нилрем не выказывал, чудом упростив Мари называть его по крайней мере «братом».

Сама Мари, как выяснила Карла из их разговоров, не помнит ничего. Ни кем была, никто её родители. Чистый лист из девочки одиннадцати лет, а Карлу клонило к мысли, что Мари всё-таки двенадцать лет. Странности все прибавлялись, но женщина на них не обращала внимания, просто принимая как данность, время от времени благодаря Магика.

Так, дверь в лавку — обитель знаний, скрипнула, а первым на проходе для Карлы оказался приятного вида мужчина в круглых очках и орлиным носом.

— Добрый день, — по привычке оповестила Карла.

— Уже вечер, — библиотекарь, а в купе с ним и продавец, тихо подметил неладное в словах госты, медленно кивая в сторону. Закатного окна.

— Прошу прощение.

— Не стоит. Вы пришли за конкретной книгой? Хотите магическую? Или роман на один вечер?

«Или роман?» Карла усмехнулась, понимая двоякость последних слов консультанта, но собравшись четко ответить, она более не создавала непонятых намеков. Понимание, что вряд ли этот человек повел бы себя так же, зайдя она не с корзиной, а с ребенком, Карла оборвала все возможные связи. Перед её глазами ещё не угас силуэт ныне покойного мужа.

— Хотела спросить за обучающую обычной грамоте книгу. У вас подобные есть?

— Ох, милочка, а у кого подобное найдется? Алфавиту и грамоте учат в церковной школе или у наставников, кто побогаче. Но вы и без меня должны это понимать.

— Тогда по магии?

— Хм... а вот подобное может и есть. Одну секунду, я сейчас вернусь, а вы пока уложите тяжёлый груз на столик вон там, сзади.

Позади был маленький, опрятный столик.

В сущности, их было три, но выбрав тот, что ближе, и уложив на него тяжёлую корзину, мать принялась дожидаться мужчину.

Книжный, оказался до безобразия пуст на новых лиц посетителей. Ни одного любопытного гостя коему, кровь из носа, нужны книги.

Припомнив, как часто Нилрем жаловался на отсутствие хоть каких-то бумажных изделий, Карла чуть более любопытным взглядом прошлась по карманному, таким небольшим он казался, залу. Читать, Карла умела, но плохо. Годы взяли своё и как тренированные, но запущенные мышцы рано или поздно ничем не будут отличаться от обычных, нетренированных, так и буквы, если их не видеть, стираются из памяти. Пускай медленно, но очень неумолимо.

Были здесь, стеллажи где мертвым грузом, изрядно припавшие пылью покоились такие же мертвые книги. Разве что написаны они были живым, читаемым языком. Это был целый цикл книг, характерной чертой которого являлись одни и те же ремешки, с отличием в номере. От «1», до «19». Подобное могло вызывать подлинное восхищение, ведь надо же! Целых девятнадцать, не самых тонких книг было написано одним человеком! Это же, сколько он прожил, чтобы исписать столько бумаги? Впрочем, весь цикл мог крутиться вокруг чего-то приземлённого, ненастоящего, выдуманного мира, которого нет и никогда не будет в реальности. Карла не пыталась осмотреть серию книг, едва ли уловив ускользающее величие слов, записанных в бумажных тюрьмах. Ей ближе были те, что покрасивше, цветастее, и винить за это человека отнюдь не стоит. Кого вина? Может, автора, который поскупился на цветастую обложку? Так нет же, у него здесь не детский монастырь, он взрослые вещи пишет. Те томики, были о важном, о жизни. Но все они такие серые и тучные, что взгляд прохожего проходит мимо. Столь часто повторялась эта сцена, что книги заросли снежным слоем пыли. Но и цветастую обложку не состряпать, когда содержимое — суровая правда жизни. Ведь, что тогда получится? Автор соврал?! Этого не любят в Миллисионе, и всех виновных прочь и долой.

А если подытожить, получается, виновны сами книги? Или перо, которое писало грязными словами по белой бумаге, выводя правдивые слова на свет? Нет, определенно нет. Виновных нет. А этот цикл книг не покупают, потому что они, увы, неинтересны. И так считает большинство.

Такие люди как Нилрем, пожаловались бы на пустую трату страниц, и у них было бы зерно истины. Карла же, не могла относиться ни к позитивным сторонам, ни к негативным. Она не до конца осознавала ценность книги. Пускай и важной. Да даже будь книга чистым вымыслом! Надуманные проблемы часто оказываются завлекательными, интереснее реального мира, ведь описан он так, как не описан наш собственный.

Делить книги на реальные и выдуманные, может и красивая забава за которую могут похвалить, но в сути своей она абсолютно бесполезна.

В книгах заключена не сила, чтобы считать её реальной или надуманной. Книги, в первую очередь заключают знания. И только ведущий читатель достанет оттуда что-то ценное, будь то новый кусочек в недостающей картине действительного мира, или негативные эмоции. Покуда книги пишут люди, в них будет часть их жизни, та часть, которую не вернуть назад. А дорожить тем ломтиком жизни чужого человека или нет, дело каждого, винить здесь некого.

Карла не слишком долго фокусировалась на бумажных болванчиках, предпочтя им вид из окна.

Вот, где для неё главное событие. На улице резвились дети. Так весело и беззаботно, что Карла засмотрелась. Немигающими глазами, смотрела в одну точку, где секунду назад были дети, и ничего не думала. Маленьких ребят давно там нет, там пустая, освещённая закатным светом улица, а мать все смотрела и ничего не думала. Идиллия, когда безмятежность проникла в голову женщине, длилась недолго.

«А что если... если бы я жила здесь?»

Муж Карлы, однажды упоминал далекого родственника, не в Миллисионе, просто в Милисе, в тихой, мирной деревушке. Тот родственник предлагал им переехать к нему поближе, оставить городскую суету и сблизиться с природой. Продай она с суженым тогда землю и дом, вырученных денег вполне хватило бы, чтобы доехать, и жить в деревне тихо и мирно. Но в тот раз, Карла отказалась, ссылаясь на перспективы.

«В городе всяко лучше, да и в огороде работать, не моё это!» Как голословно она твердила в молодости. Ещё бы. Только вырвалась из деревни в город, и снова обратно, но в другой стране? Ей казалось, что лучше уж её убьют.

Горько на языке. Карлу обуяла тоска по родному, жалость к себе дурной, дурной, но горячей душе. Согласись, она тогда, и сейчас... сейчас бы жили все вместе. Карла, Вантер и Горнат. Но случилось, что случилось, Вантер умер, как и Горнат, оставили мальчики её одну.

— А сейчас, ничего назад не вернуть.

Тряхнув головой, и поправив спавший локон длинных черных волос обратно за ухо, Карла сбросила наваждение. Она вспомнила не только возможное, но и то, что уже случилось. Роулз, Нилрем, Мари и её, ещё не названная дочь.

Да, были вещи и поважнее, чем сидеть и сожалеть об упущенном будущем. Пора бы Карле выбрать имя.

И от окошка, глаза как нож, казалось, разрезали сам воздух, мигом прошмыгнув мимо замершего в удивлении продавца.

— Ох, боже-боже, — слегка наивно пройдясь вперёд, к стойке, мать тут же улыбкой растопила мелкое напряжение. — вы принесли так много.

— Ну что вы, мне не сложно. Я всегда исполняю свои обязанности с должным рвением, — обколовшись локтем о ту же стойку, что и книги, продавец второй, свободной ладонью, прошёлся по всем принесенным книгам магии. — это книга магии для начинающих, содержит в себе лишь базовые знания и заклинания различных школ, не выше среднего уровня. Написана уважаемым в широких кругах, но отошедшего от дел, ныне покойного папы, который на редкость любил детей, потому за её содержание можно ручаться хоть головой, — в слегка шутливой манере, консультант, стукнул костяшками о свою макушку. — далее у нас, подобного же образца книга, насколько память мне не изменяет, написана она дешевле, и имеет в себе

лишь базовые заклинания большинства школ. Третья книга же, не так проста, как кажется, в ней нет той базы, которая имеется в двух других, но именно её оптом покупают наши священники своим младшим. Это книга магических кругов, их базиса.

От слов лавочника, бедная женщина поняла не слишком много.

— Знаете, я мало в этом разбираюсь, — неуверенный тон насторожил мужчину, считавшего свою посетительницу посланников свыше. Именно потому он дополнительно достал и книгу по магическим кругам.

— О, я все понимаю, магия — ремесло очень непростое. Потому могу вам рекомендовать, книгу от папы, и книгу по магическим кругам. В совокупности, они обе дадут вашему ребенку лучшее из возможных образований. Поверьте, даже наставники не будут против.

Карла тихо протянула: «Хм», осматривая книги, пытаясь соотнести сказанные продавцом слова с правдой, женщина была вынуждена лишь кивнуть, полностью признавая свою некомпетентность. Она не может понять, какие знания пригодятся, а какие нет. Впрочем, деньги ещё позволяли взять обе, так почему бы и нет?

И пока продавец записывал покупку в отчёт, Карла невольно поинтересовалась.

— У вас тут, пылью, книги припадают.

— Какие?

— Вон те, — указав пальчиком на девятнадцать томов, консультант ухмыльнулся.

— Они... это классика, была ею, десяток лет назад. Считайте, антиквариат лежит. Хотите приобрести?

— А как называется серия?

— Джинкс в мире магии.

Посчитав подобное название интересным, но слишком несуразным, Карла отрицательно помотала головой.

— Нет, спасибо. А Джинкс, это имя?

— Да, — это «да», от лавочника совпало с точкой, в конце отчёта, и было брошено подобно собаке кость, после которой, он со спокойной душой отдал женщине книги.

Та, благодарно кивнув, направилась к выходу, с изрядно потяжелевшей ношей. Впрочем, если тело было тяжеловато, то ум далёко не так нагружен. Он воспарил, ведь избавился от тяжелого вопроса.

— Джинкс... красивое имя, — исчезая в дверях, Карла так и не услышала тихие комментарии лавочника. Человека, прочитавшего все девятнадцать томов.

— Имя то может и красивое, вот только Джинкс — проклятье.